

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DEBATING ISSUES OF GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

5.6.2.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
GENERAL HISTORY

07.00.03

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ПЕРИОДА)
GENERAL HISTORY

Отношение Конгресса США к ядерному разоружению Казахстана (1991-2001 гг.)

©Станислав Николаевич Александров^{1,2}

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет

²Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

г. Томск, Российская Федерация

e-mail: gaarane91@mail.ru

Аннотация. Распад СССР повлёк за собой большое количество проблем и неопределённостей для миллионов людей во всём мире. Одной из потенциальных опасностей, порождённых последствиями Беловежских соглашений, была угроза ядерного пространства. Казахстан был одной из четырёх республик, унаследовавших часть советского ядерного арсенала. По многим причинам администрация США выражала прямую заинтересованность в ядерном разоружении молодой среднеазиатской республики и была готова принять прямое участие в процессе ядерного разоружения этой страны, что было также справедливо и в отношении Украины и Беларуси. Такое решительное намерение и последовательные действия отличали подход Белого дома к разоружению Казахстана от подхода в отношении ряда других стран, не входящих в ядерный клуб, таких как Израиль и Пакистан. Законодательная ветвь власти — в лице Конгресса США — поддерживала администрацию в этом вопросе, несмотря на традиционное противостояние ветвей власти и «эпоху разделённого» правления при администрации У. Клинтона. Разоружение Казахстана представляло для США задачу, выходящую за пределы интереса национальной безопасности в его прямом значении. Цель исследования — выявить отношение американских конгрессменов к теме ядерного разоружения Казахстана. Выводы. Автором был сделан вывод, что Конгресс США поддерживал начинания администрации президента по ядерному разоружению Казахстана, но только в тех случаях, когда решение этого вопроса не зависело от американских парламентариев. В иных случаях, в Конгрессе не было абсолютного консенсуса.

Ключевые слова: США, Казахстан, Конгресс, ядерное оружие, Программа Нанна-Лугара.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Александров С. Н. Отношение Конгресса США к ядерному разоружению Казахстана (1991-2001 гг.) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 119-131.

Attitude of the US Congress to the Nuclear Disarmament of Kazakhstan (1991-2001)

©Stanislav N. Alexandrov^{1,2}

¹National Research Tomsk State University

²Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics

Tomsk, Russian Federation

e-mail: gaarane91@mail.ru

Abstract. The collapse of the USSR entailed a large number of problems and uncertainties for millions of people around the world. One of the potential dangers posed by the consequences of the Belovezhsky agreements was the threat of nuclear proliferation. Kazakhstan was one of the four republics that inherited part of the Soviet nuclear arsenal. For many reasons, the US administration expressed a direct interest in nuclear disarmament of the young Central Asian republic and was ready to take a direct part in the process of nuclear disarmament of this country, which was also true of Ukraine and Belarus. Such determined intent and consistent action distinguished the White House's approach to disarmament of Kazakhstan from that of a number of other non-nuclear club countries, such as Israel and Pakistan. The legislative branch — represented by the US Congress — supported the administration in this matter, despite the traditional confrontation between the branches of government and the era of divided government under the administration of W. Clinton. The disarmament of Kazakhstan was a task for the United States that went beyond the interest of national security in its direct meaning. The purpose of the study is to identify the attitude of American congressional representatives to the topic of nuclear disarmament of Kazakhstan. Conclusions. The author concluded that the US Congress supported the presidential administration's efforts to nuclear disarmament Kazakhstan, but only in cases where the solution to this issue did not depend on American parliamentarians. Otherwise, there was no absolute consensus in Congress.

Key words: the US, Kazakhstan, Congress, nuclear weapon, Nunn–Lugar Program.

FOR CITATION: Alexandrov S. N. Attitude of the US Congress to the Nuclear Disarmament of Kazakhstan (1991-2001) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 119-131. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Тема ядерного оружия Казахстана во многих аспектах является недостаточно разработанной в русскоязычной исторической литературе. Свои исследования по данной теме проводили историки, юристы, политологи, медики, биологи, военные. Ядерный фактор во взаимоотношениях США и Казахстана был представлен в работе коллектива авторов К.И. Байзаковой, Ф.Т. Кукеевой, К.В. Жигалова «Западный вектор внешней политики Казахстана: состояние и перспективы» [Байзакова, Кукеева, Жугалов, 2021]. Сравнительный анализ процессов денуклеаризации Казахстана и ЮАР был освещён в работе историков С.В. Азербасова и С.А. Умбаева [Азербасов, Умбаев, 2021]. Проблема ядерного наследия постсоветских республик была затронута в публикациях кандидата военных наук генерал-полковника С.В. Каракаева [Каракаев, 2021]. Участие США в процессе денуклеаризации Казахстана в своей работе отмечал С.Н. Александров [Александров, 2019]. Проблемы, возникшие в связи с ядерным разоружением Казахстана, исследовал Н.Д. Александров [Александров, 2018]. Специфику казахстанского опыта по ядерному разоружению рассматривал Д.А. [Мацюк, 2022]. Позицию центральноазиатских стран, в том числе Казахстана, в отношении ДЗЯО в своей статье представила К.Г. Муратшина [Муратшина, 2019]. Личный вклад первого лица Республики Казахстан в деле ядерного разоружения представлена в работе «Вклад президента Казахстана в обе-

спечение ядерной безопасности в условиях глобализации» [Иватова, Ордабек, 2018]. Систему сложившегося международного наблюдения за ядерной сферой Казахстана освятил в своей работе К.С. Величков [Величков, 2021]. Тема участия США в ядерном разоружении Украины, интересующая исследователей в контексте сравнения с Казахстаном, затронута в работах «Программа Нанна-Лугара и ядерное разоружение Украины» [Шенин, 2020], «Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992-1996 годов» [Чихичин, 2020].

Распад СССР, закреплённый Беловежскими соглашениями, означал фактическое прекращение существования Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Новая система, позже получившая неофициальное название «однополярный мир», теоретически, могла стать «мироустройством победившей демократии», представляя собой номинально более гуманный и менее конфронтационный, в сравнении с предыдущим, мировой порядок. Лидирующая роль в этой системе принадлежала США. Однако постсоветская эпоха в международных отношениях, почти полностью изжившая себе на сегодняшний день, едва ли оказалась такой спокойной какой представлялась либеральным политологам в начале 1990-х гг., например, Фредериксу Фукуяме. Боснийская война, операция в Сомали, интервенция на Гаити, бомбардировка Югославии, ввод войск в Афганистан — эти события, произошедшие только в течение первых 10 лет после распада СССР, наглядно показали мировому сообществу,

что собой представляет новый мировой порядок. Белый дом старался извлечь как можно больше выгод из приобретённой позиции единственной оставшейся сверхдержавы: весь мир оказался в зоне национальных интересов США.

Широко известно, что одним из ключевых интересов для США является обеспечение собственной национальной безопасности. Само по себе прекращение существование военного блока стран Варшавского договора и СССР как геополитической реальности не означало прекращения существования военной силы вчерашних противников НАТО. Четыре новых независимых государства, входившие ранее в СССР, стали владельцами ядерного оружия, в том числе и стратегического назначения. США продолжали воспринимать Россию, Украину, Казахстан и Белоруссию как страны, представляющие опасность американскому государству, так как технически ядерные ракеты, расположенные в этих странах, продолжали быть нацеленными на американские города. Это была та угроза, от которой Белый дом решил избавиться незамедлительно. Обстоятельства для осуществления денуклеаризации были относительно благоприятными для Вашингтона — бывшие советские страны пытались стать капиталистическими и демократическими, а США представлялись им ориентиром для подобных преобразований. Тем не менее события на постсоветском пространстве разворачивались настолько стремительно, что Вашингтону приходилось действовать оперативно. Понимая, что вынудить Россию — правопреемника СССР — отказаться от ядерного оружия не получится, США сосредоточили свои усилия на трёх других бывших советских республиках, среди этих республик был и Казахстан. Уже в начале 1992 г. госсекретарь Дж. Бейкер на встрече с Н. Назарбаевым в Алма-Ате приступил к переговорам по урегулированию этого вопроса.

Для большинства правительств планеты сама по себе идея нераспространения ядерного оружия и сокращения числа стран им обладающего ясна и не требует дополнительного подтверждения или аргументированного обоснования. Подобное принципиальное отношение американских властей к ядерному нераспространению можно наблюдать на примере борьбы с ядерными программами Ирана и КНДР. Однако в мире есть некоторые страны, в отношении которых американские власти не были столь категоричными в этом вопросе. В случае с Пакистаном после начала разработки ядерной программы в этой стране в 1990-х гг. — американо-пакистанские отношения на время охладели до 2001 г., когда им потребовались союзники в регионе для борьбы с терроризмом. В ситуации с Израилем первоначальное неприятие американскими властями наличия ядерных разработок изменилось после смерти Дж. Кеннеди: Администрацию Л. Джонсона перестала интересовать эта тема [Румянцев, 2020: 83].

Фактически для некоторых стран, угодных США, Белый дом делает исключение. Ещё одним фактором, объясняющим терпимость США в этом вопросе в отношении Израиля, Индии и Пакистана, является отсутствие возможностей у этих стран потенциала доставки ядерного оружия к объектам, имеющим жизненно важное стратегическое значение для Соединённых Штатов. Однако такой возможности не было и у Казахстана. Следовательно, американская политика по содействию ядерному разоружению Казахстана могла иметь и другие причины, кроме естественных гуманных мотивов и желания обезопасить своих граждан.

Немаловажное значение по этому вопросу имеет позиция Конгресса США. Хотя Конгресс во многом ограничен в вопросе прямого воздействия на политику ядерного нераспространения его роль не стоит недооценивать. Взаимодействие законодателей и администрации президента, соотношение

их мнений по тому или иному вопросу способно как ускорить принятие политических решений там, где они сотрудничают, так и замедлить — там, где есть место соперничеству разных ветвей власти. Кроме конкретных законодательских инициатив, финансовых и контрольных полномочий Конгресса, само по себе содержание обсуждений конгрессменов и сенаторов является своеобразным индикатором, демонстрирующим отношение американского истеблишмента к конкретным темам. Благодаря этому можно узнать не только позиции двух основных партий, выявить лобби, стоящие за принятием тех или иных решений, но и проблемные темы, где мнения парламентариев расходились и были острые дискуссии. В связи с этим возникает вопрос о том поддерживало ли большинство членов Конгресса США действия администрации по этой теме или в американском парламенте были предложены иные решения для судьбы ядерного оружия в Казахстане.

Цель исследования — выявить отношение американских конгрессменов к теме ядерного разоружения Казахстана. Гипотеза исследования заключается в том, что большинство конгрессменов поддерживали идею ядерного разоружения Казахстана, т.к. эта проблема лежала вне плоскости борьбы с администрацией президента. Конгрессмены, возможно не осознанно, воспринимали ядерное разоружение Казахстана, а также Украины и Беларуси, не только как обеспечение собственной национальной безопасности, но и как способ продемонстрировать всему миру установление нового мирового порядка в международных отношениях, где ключевая роль теперь принадлежала исключительно США.

ОБОСНОВАННЫЕ ОПАСЕНИЯ

Значительные противоречия между капиталистическими странами Запада и СССР были оставлены на период войны против гитлеровской Германии. С окончанием Второй мировой войны разногласия между союзниками, спорящими о будущем мировом порядке, начали обостряться. Влияние СССР в Центральной и Восточной Европе после победы над нацистской Германией существенно усилилось, что не отвечало интересам ни Великобритании, ни США. Ядерная бомбардировка в начале августа 1945 г. японских городов Хиросимы и Нагасаки стала примером демонстрации силы США, желавшими утвердиться в качестве ведущей мировой державы. Бомбардировка не несла в себе характер стратегической надобности, её целью было устрашение правящих кругов СССР. В свою очередь это повлекло за собой ускоренную разработку аналогичного типа вооружения в СССР, которое было успешно испытано в конце августа 1949 г. С этого момента ядерный фактор стал неотъемлемой частью международных отношений, став основой биполярной системы, уравнивающей мировой порядок фактором гарантированного взаимного уничтожения.

Длинная телеграмма американского дипломата Джорджа Ф. Кеннана от 22 февраля 1946 г., а также Фултонская речь Уинстона Черчилля от 05 марта 1946 г. стали отправной точкой отсчёта периода Холодной войны, выразившейся в противостоянии СССР и США. Конфронтация между Кремлём и Белым домом продолжалась вплоть до периода Перестройки. Мальтийский Саммит, проходивший в начале декабря 1989 г., положил начало завершению этого почти полувекового противостояния. Холодная война как феномен международных отношений де-факто завершилась вместе с распадом СССР, а де-юре подписанием Дж. Бушем-старшим и Б.Н. Ельциным Кэмп-Дэвидской декларации 1 февраля 1992 г. Декларация подразумевала прекращение восприятия США и России друг друга в качестве потенциальных против-

ников, попытки избавления от «остатков» враждебного периода Холодной войны, сокращение стратегических арсеналов, продвижение демократических ценностей, сотрудничество в предотвращении распространения оружия массового поражения. Однако в действительности не все признаки Холодной войны исчезли вместе с распадом социалистического лагеря и СССР. Бывшие советские страны, в том числе и Казахстан, продолжали ассоциироваться у большинства американских политиков с Советским Союзом.

Несмотря на дружественную риторику и одобрение преобразований в странах бывшего СССР Вашингтон продолжал воспринимать эти государства, если не как потенциальных противников, то как угрозу. Ещё до подписания Беловежских соглашений, сенатор от штата Теннесси Альберт Гор, выступая в Сенате 31 июля 1991 г., выражал озабоченность о том, какие изменения происходят в СССР: распадется ли СССР, кто будет контролировать его ядерный арсенал, будет ли Казахстан ядерной державой¹. По мнению конгрессмена от штата Калифорния Ф. Старка-младшего, ядерное распространение являлось реальной угрозой национальной безопасности США. Демократ был обеспокоен тем, что после распада СССР Казахстан, Украина и Белоруссия вошли в число стран, которые потенциально могли стать ядерными, а также тем, что советские ядерные боеголовки могли быть переданы Ирану или Ираку². Ф. Старк считал первоочередной задачей США выведение ядерного оружия из бывших советских республик, кроме России, и обеспечение учета всех советских боеголовок в этих республиках³. В аналогичном ключе, выступая в Сенате 18 июня 1992 г., высказывался сенатор от штата Нью-Джерси У. Брэдли. Представитель демократической партии говорил, что Россия и другие республики не являются СССР, поэтому американские власти должны были перестать их воспринимать как противника по Холодной войне⁴. Хотя речь сенатора была выстроена в конструктивном ключе взаимодействия США и бывших советских республик, в основном речь шла о российско-американских отношениях, было высказано однозначное утверждение о том, что Украина, Казахстан и Белоруссия должны были незамедлительно отказаться от всего своего ядерного оружия.

В конце июня 1992 г. сенатор от штата Делавэр демократ Дж. Байден, говоря о ядерном разоружении Украины, Белоруссии и Казахстана в контексте формирования новой стратегии сдерживания, изложил особенности складывания нового мирового порядка после завершения Холодной войны. В своём обращении к коллегам и к президенту он сказал, что повестка дня нового мирового порядка будет содержать в себе два основных компонента: предотвращение угрозы распространения оружия массового поражения и упорядочивание коллективных военных действий ООН против Саддама Хусейна⁵. Говоря о первом направлении, сенатор уточнял, что речь идёт об опасности передачи ядерного, химического или биологического оружия, а также баллистических ракет «стра-

нам-изгоям» или террористам. По его мнению, достижение первой части новой стратегии сдерживания должно было начинаться с согласованных усилий по избавлению от огромных ядерных арсеналов, которые породила Холодная война. Дж. Байден предлагал США присоединиться к этому процессу, чтобы приобрести дополнительный моральный авторитет в этом вопросе. Сенатор задавался вопросом о необходимости наличия у США такого огромного арсенала в сложившихся условиях. Видя уникальную историческую возможность, он предостерегал о влиянии Пентагона, который под разными предлогами будет стремиться сохранить американский ядерный арсенал, т.к. в основе поведения военных лежит стремление к одностороннему преимуществу США после Холодной войны. Мнение американских военных начало влиять на официальный Вашингтон. В Белом доме быстро возник соблазн закрепить своё положение после Холодной войны, действуя в мировой политике как единоличный лидер, который может себе позволить не считаться с мнением остального мирового сообщества.

Свои соображения о новом подходе США к новому миру порядку, в контексте ядерного разоружения, высказывал в Конгрессе сенатор от штата Мэн демократ Дж. Митчелл-младший. Дж. Митчелл отмечал растущую роль военного истеблишмента в США на примере введения моратория на запрет ядерных испытаний. В то время как Россия, а ранее СССР, ввела односторонний мораторий на запрет ядерных испытаний, Франция ввела собственный мораторий, власти Казахстана закрыли ядерный полигон, — США затягивали с принятием аналогичного решения, что могло отразиться на прекращении действия мораториев в других странах⁶. С его точки зрения, такое поведение Белого дома говорило о сохранившемся менталитете Холодной войны в правящих кругах Вашингтона.

Уже в первые несколько лет после распада СССР начали раздаваться голоса конгрессменов, желавших сохранить ядерный арсенал США в неприкосновенности. Один из наиболее консервативных членов республиканской партии Роско Барлетт-младший из Мэриленда, выступая в Палате представителей 8 сентября 1993 г., заявлял, что, хотя Холодная война закончилась, ракетный удар по США оставался реальностью⁷. Конгрессмен считал, что вероятность того, что Соединенные Штаты подвергнутся ракетному обстрелу, стала выше, чем в большинстве случаев во время Холодной войны. Из чего республиканец делал вывод о бессмысленности сокращения этой очень важной части американской армии и — напротив — выступал за наращивание мощи в данном направлении. Известный республиканский «ястреб» Дж. Маккейн, выступая в ноябре 1993 г. в Сенате как представитель Аризоны, был недоволен продолжавшимся снижением расходов на оборону⁸. Дж. Маккейн говорил о наступившей глобальной нестабильности после окончания Холодной войны и потенциальной угрозе распространения оружия массового уничтожения. Он считал, что борьба с распространением оружия массового уничтожения должна оставаться приоритетной задачей национальной безопасности для США в ус-

¹ National defense authorization act for fiscal years 1992 and 1993. Congressional record. July 31, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1991/07/31/GPO-CRECB-1991-pt14-6.pdf> (data of accesses: 08.03.2022).

² The nuclear weapons reduction act of 1992. Congressional record. May 19, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt9/pdf/GPO-CRECB-1992-pt9-2-2.pdf> (data of accesses: 08.03.2022).

³ Там же.

⁴ Russia and America: the next phase. Congressional record. June 18, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt11/pdf/GPO-CRECB-1992-pt11-5-1.pdf> (data of accesses: 09.03.2022).

⁵ American agenda for the new world order: A. Cementing the democratic foundation; B. Forging a new strategy of containment. Congressional record. June 30, 1992. URL: https://www.thetechnocracytyranny.com/PDFs/Biden_1992_06_30_pg_16901-16907.pdf (data of accesses: 10.03.2022).

⁶ Energy and water development appropriations act. Congressional record. August 3, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/08/03/GPO-CRECB-1992-pt15-2.pdf> (data of accesses: 11.03.2022).

⁷ Providing for further consideration of H.R. 2401, national defense authorization act for fiscal year 1994. Congressional record. September 8, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/09/08/GPO-CRECB-1993-pt14-3.pdf> (data of accesses: 11.03.2022).

⁸ National defense authorization act for fiscal year 1994 — conference report. Congressional record. November 17, 1993. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1993-pt21/pdf/GPO-CRECB-1993-pt21-1-1.pdf> (data of accesses: 12.03.2022).

ловиях, когда такие страны как Северная Корея и Ирак продолжали искать возможности получить ядерные технологии.

Подобные опасения не были редкостью в дискуссиях американских конгрессменов и присутствовали на протяжении всех 1990-х гг. Республиканский конгрессмен от штата Огайо Роберт Д. Макьюэн, выступая в Палате представителей 11 сентября 1991 г., выражал глубокою озабоченность вопросом о том кому достанется ядерное оружие СССР в Казахстане и на Украине, сделав их 4-й и 3-й ядерными державами в мире⁹. В начале октября 1991 г. республиканский консерватор Роберт Дорнан, перечисляя текущие проблемы во внешнеполитической обстановке для США, упоминал среди прочих угроз, что Казахстан продолжал направлять на США сотни ракет с ядерными боеголовками¹⁰. Будущий министр обороны США — Лес Аспин-младший, выступая в Палате представителей 25 ноября 1991 г. как представитель от штата Висконсин, сообщал, что эксперты разведывательных служб США и Великобритании обеспокоены состоянием советских военных¹¹. Демократ отмечал, что существовала вероятность мятежа внутри советской армии, по мнению экспертов, это могло привести к тому, что ядерное оружие оказалось бы у части повстанцев. По словам военного эксперта, из «Рэнд Корпорэйшн», Джона Хайнса, специализировавшегося на СССР, в нескольких частях ситуация была критической — некоторые подразделения неделями не получали продовольствие. В этой ситуации подобный сценарий мог воплотиться в реальность, если бы военные части начали самостоятельно решать вопрос о своём продовольственном обеспечении.

Опытный сенатор от штата Мичиган Карл Левин вместе с сенатором Сэмом Нанном был частью делегации из США, посетившей Россию, Украину и Казахстан. В феврале 1992 г. он выступал с докладом в Сенате, в ходе которого рассказывал о своём визите в указанные бывшие советские республики. Демократ К. Левин отмечал высокую степень открытости военных и чиновников в этих странах, однако наряду с этим он видел очереди людей, ожидавших продовольствия, и говорил с учеными по ядерному оружию, у которых нет работы¹². Сенатор видел угрозу в том, что у таких учёных могло возникнуть желание переехать в другие страны, в том числе «страны-изгои», чтобы прокормить себя и свои семьи. Второго апреля 1992 г. конгрессмен от штата Калифорния Мелдон Эдисес Левин критиковал ушедшую администрацию Дж. Буша-старшего за то, что та не смогла адекватно устранить угрозу распространения ядерного оружия в бывшем Советском Союзе¹³. Демократ отмечал, что власти республик, отчаявшись получить наличные деньги и нуждаясь в оборудовании для себя, борются с центром, чтобы сохранить контроль над оружием, размещенным на их территории. Он сообщил, что Россия, Украина и Казахстан уже экспроприировали советскую военную технику и продали ее Сирии и Ирану. По его данным, Иран завладел несколькими ядерны-

ми боеголовками, а еще три ядерных боеголовки на Украине, предназначенные для стратегических ракет, исчезли из хранилища. Также он доложил, что в марте 1992 г. американская разведка сообщила, что из арсенала в Казахстане пропали три тактических ядерных оружия.

Озабоченность в Конгрессе также вызывал факт производства ядерных ракет в некоторых странах бывшего СССР. Многолетний член Палаты представителей США от штата Нью-Йорк Дж. Соломон был обеспокоен фактом того, что некоторые стратегические программы развития и производства ядерных сил в бывшем СССР продолжают¹⁴. Межконтинентальные баллистические ракеты Р-36М, называемые американскими конгрессменами по классификации НАТО SS-18, продолжали производиться в Украине и развертываться в России и Казахстане. Республиканский сенатор от Южной Дакоты Ларри Ли Пресслер, выступая в Сенате в конце мая 1993 г., был встревожен вероятностью террористических актов с применением ядерного оружия¹⁵. Он отмечал, что, будучи членом подкомитета по терроризму, наркотикам и международным организациям Комитета по международным отношениям он крайне обеспокоен вероятным развитием событий, когда небольшое количество ядерных материалов окажется в руках террористов, которые взорвали Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. Конгрессмен имел в виду теракт, который произошёл в подземном гараже Северной башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в феврале 1993 г. Он был обеспокоен, т.к. в его штате — в западной части Южной Дакоты — собирались уничтожить ракетные шахты, а в мире все еще оставалось много ядерных материалов, которые начали контролироваться небольшими странами с нестабильными правительствами. Он закончил свою речь предположением о том, что могло бы произойти, если бы эти материалы взорвали в чемодане во Всемирном торговом центре, если у террористов были бы ядерные материалы.

Угроза терроризма с применением ядерных материалов не раз беспокоила конгрессменов. Сенатор от Род-Айленда Клэйборн Пелл, выступая перед Сенатом 2 марта 1995 г., говорил, что после распада Советского Союза возросла вероятность кражи ядерных материалов¹⁶. Он считал, что мир столкнётся с перспективой проникновения организованных преступников в бизнес по контрабанде ядерных материалов. Этим он объяснял ту агрессивную, скоординированную кампанию США против международного терроризма и ядерной контрабанды.

В апреле 1995 г. республиканский сенатор от Нью-Йорка Альфонс Д'Амато представил аналитическую записку, в которой были изложены экспертные соображения о перспективах ядерной программы Ирана¹⁷. В свою очередь автор записки ссылался на статью Криса Хеджеса, опубликованную в «Нью-Йорк таймс» 4 января 1995 г. Основываясь на данных разведки, сообщалось, что Иран приобрел как минимум два ядерных орудия у Казахстана: одну ракету и один 152-мм артиллерийский снаряд. Тем не менее не всем конгрессменам была близка идея, что после распада СССР ситуация в мире

⁹ Strategic defense initiative against nuclear attack. Congressional record. September 11, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1991/09/11/GPO-CRECB-1991-pt16-2.pdf> (data of accesses: 12.03.2022).

¹⁰ Chin up, press on. Congressional record. October 1, 1991. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1991-pt17/pdf/GPO-CRECB-1991-pt17-6-2.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹¹ Situation in the Soviet Union. Congressional record. November 25, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1991/11/25/GPO-CRECB-1991-pt23-4-3.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹² Assistance for soviet republics. Congressional record. February 7, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt2/pdf/GPO-CRECB-1992-pt2-3-2.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹³ Nuclear proliferation in the former Soviet Union threatens United States interests. Congressional record. April 2, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt6/pdf/GPO-CRECB-1992-pt6-5-3.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹⁴ Military developments. Congressional record. March 5, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/03/05/GPO-CRECB-1992-pt4-1.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹⁵ Nuclear weapons proliferation. Congressional record. March 29, 1993. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1993-pt5/pdf/GPO-CRECB-1993-pt5-5.pdf> (data of accesses: 13.03.2022).

¹⁶ Internationalism or isolationism — a choice for the next generation of American leaders. Congressional record. March 2, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/03/02/CREC-1995-03-02.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

¹⁷ Regarding Iran. Congressional record. April 4, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/04/04/CREC-1995-04-04.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

стала опаснее из-за «стран-изгоев», куда теоретически могло попасть ядерное оружие, создав проблемы для мировой общественности. Представитель демократической партии конгрессмен от штата Массачусетс Барнетт Франк, выступая в Палате представителей в середине сентября 1995 г., сомневался в том, что аргумент о том, что мир стал не безопаснее для США, чем был, когда у нас был Советский Союз, являлся одним из самых грубых примеров искажения логики на службе расходов, которые он когда-либо слышал¹⁸. Демократ говорил, что, такие угрозы как химическое и биологическое оружие, распространение ядерного оружия и терроризм не появились после распада СССР, а были все время. Конгрессмен выступал за перераспределение ресурсов из военного сектора в пользу социального. Несмотря на обоснованную позицию Барнетта Франка, опасения конгрессменов по этому вопросу не были беспочвенными — информация о контрабанде ядерных материалов из Казахстана в другие страны продолжала поступать. Так, например, уже после нескольких лет работы программы «Нанна-Лугара» в Казахстане, по сообщению сенатора Дж. Байдена, сделанного в Сенате в июне 2000 г., таможенная служба Узбекистана, остановила партию радиоактивной контрабанды в Казахстан, которая направлялась в Иран с официальным пунктом назначения в Пакистане¹⁹.

В качестве обоснования необходимости ликвидации ядерного оружия в Казахстане, Украине и Белоруссии конгрессмены обсуждали и иные причины. В ситуации, когда эти республики полностью бы ликвидировали свою ядерную инфраструктуру, американские парламентарии видели возможность снизить свои расходы на оборону и улучшить экологическую ситуацию не только в этих странах, но и, прежде всего, в США. Сенатор от штата Иллинойс Пол Мартин Саймон, выступая в Сенате в начале ноября 1991 г., сослался на слова Сэма Козна — создателя атомной бомбы по вопросу продолжения ядерных испытаний²⁰. В данной статье, опубликованной в «Washington post», учёный призывал прекратить ядерные испытания. Демократ надеялся не только на то, что советские лидеры приостановят ядерные испытания, но и американские коллеги последуют их примеру. Сенатор П. Саймон предлагал переложить часть военных расходов на реальные внутренние нужды, например, в область образования и здравоохранения²¹. Тема сохранения экологии стала популярной в США в 1990-е гг., например, вице-президент США Альбер Гор являлся известным сторонником сохранения природы. Не удивительно, что экологическая повестка была характерна и для ряда конгрессменов. Так, крайнюю озабоченность экологией Арктики и судьбой её коренных народов выражал сенатор от штата Аляска Фрэнк Хьюз Мурковски²². Выступая в Сенате 8 апреля 1992 г. он «обличал» небрежный подход СССР к использованию ядерных взрывов. Республиканец говорил, что в своём неустанным стремлении к развитию и индустриализации Советский Союз десятилетиями исполь-

зовал ядерные взрывы для использования природных ресурсов страны: от создания подземного давления для продления срока службы нефтяных и газовых скважин до строительства плотин. Он опасался, что, что загрязнённые радиацией грунтовые воды под территорией бывшего СССР — территория Семипалатинского полигона — через сибирские реки могли попасть в Ледовитый океан, откуда радиация могла попасть в Арктику и затронуть жизнь коренных народов.

У некоторых конгрессменов появилась амбиция о лидерстве США в области экологических вопросов, а также в сфере контроля над ядерными вооружениями. Так, республиканский конгрессмен от штата Айова — советолог Джеймс Альберт Лич, выражая обеспокоенность ядерными испытаниями в Казахстане и России, выступал за инициативу о запрещении ядерных испытаний²³. Он считал, что администрация президента США обладает достаточным потенциалом для того, чтобы зарекомендовать себя в качестве мирового лидера по экологическим вопросам, а также по вопросам контроля над вооружениями, особенно если это будет созвучно с риторикой доклада Эйзенхауэра «Атом для мира» — комплексом предложений, озвученных на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1953 г. Парламентарий говорил о трансформации разрушительного потенциала ядерного оружия в мирные, гуманитарные цели.

Со временем опасения американских конгрессменов о судьбе ядерного оружия в бывших советских республиках привели их к идее непосредственного участия США в его нераспространении. Представитель демократической партии сенатор от штата Гавайи Дэниел Кен Иноуэ в мае 1992 г. предлагал прекратить «продажу» ядерной советской интеллектуальной элиты в другие государства²⁴. Демократ считал, что для мира во всем мире чрезвычайно опасно, когда высококвалифицированные ученые-ядерщики, которые стали зарабатывать меньше, чем сборщики мусора, могли оказаться в таких странах как Ирак и Ливия. Сенатор высказал идею о создании под американским руководством международных центров науки и техники в странах бывшего Советского Союза, чтобы нанять ученых-ядерщиков и инженеров, чтобы избежать катастрофических последствий.

Однако наиболее предпочтительным вариантом для американских парламентариев стала полная ликвидация ядерного оружия и ядерной инфраструктуры в Казахстане, Украине и Белоруссии. Для этого США должны были всячески поощрять присоединиться эти страны к ратификации СНВ, а также к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве государств, не обладающих таким типом вооружения. Казахстан, Украина и Беларусь, должны были принять гарантии МАГАТЭ в отношении всех своих ядерных объектов и ввести эффективный контроль над экспортом ядерной продукции и продукции двойного назначения, связанной с ней²⁵.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ БЕЗЪЯДЕРНОГО СТАТУСА КАЗАХСТАНА

Американский истеблишмент имел твёрдое намерение повлиять на статусы Казахстана, Украины и Беларуси, сде-

¹⁸ Sec. 105. Reduction in authorizations. Congressional record. September 13, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/09/13/CREC-1995-09-13-pt1-PgH8816-3.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

¹⁹ National security. Congressional record. June 22, 2000. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CREC-2000-06-22/pdf/CREC-2000-06-22.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²⁰ No new nuclear testing. Congressional record. November 5, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crec/1991/11/05/GPO-CRECB-1991-pt20-5.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²¹ A review of the budget summit. Congressional record. September 11, 1991. URL: <https://www.congress.gov/102/crec/1991/09/11/GPO-CRECB-1991-pt16-2.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²² The arctic as a disposal area. Congressional record. April 8, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt6/pdf/GPO-CRECB-1992-pt6-8-2.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²³ A time for leadership: negotiate a comprehensive test ban. Congressional record. May 27, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crec/1992/05/27/GPO-CRECB-1992-pt9-6.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²⁴ Prime Minister Brian Mulroney's address at Johns Hopkins university. Congressional record. May 21, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crec/1992/05/21/GPO-CRECB-1992-pt9-4.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

²⁵ Introducing the nuclear nonproliferation policy act of 1993. Congressional record. May 11, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crec/1993/05/11/GPO-CRECB-1993-pt7-7.pdf> (data of accesses: 14.03.2022).

лав их безъядерными государствами. Быстрая и окончательная ликвидация ядерной инфраструктуры в этих республиках была задачей для администраций Дж. Буша-старшего и У. Клинтона. Уже в начале 1992 г. госсекретарь Дж. Бейкер, встретившись в Алма-Ате с президентом Казахстана Н. Назарбаевым, настаивал на денуклеаризации республики. В свою очередь, казахстанский президент пытался использовать ядерный фактор как инструмент для политического торга, стараясь обменять имеющиеся оружие на гарантии безопасности и инвестиции от США. Стремясь ускорить согласование позиций сторон по этому вопросу и закрепить гарантии Казахстана по ликвидации ядерного оружия, власти США решили воспользоваться одним из основных инструментов международного публичного права — заключить международный договор. Первым шагом стало присоединение Казахстана к Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1).

В период Перестройки в СССР отношения со странами Запада, в том числе с США, начали становиться более доверительными. В таких условиях, изнурительная для бюджетов этих стран, гонка вооружений потеряла свою актуальность. Правительства СССР и США решили существенно сократить свои ядерные арсеналы: число ядерных боезарядов должно было сократиться до 6000. В течение нескольких лет с 1985-1991 гг. шла работа по согласованию условий данного международного договора. В результате это международное соглашение было подписано 31 июля 1991 г. в Москве. Хотя детали договора были хорошо проработаны, его содержание не предполагало той геополитической ситуации, которая сложилась 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще. Внутренние процессы, проходившие в СССР в ходе Перестройки, привели к «параду суверенитетов». Так, к концу 1991 г. СССР больше не существовало, но ядерное вооружение продолжало находиться в состоянии боеготовности.

В то время как Российская Федерация заявила о выполнении международных обязательств Советского Союза, остальные три страны, получившие ядерное вооружение, не являлись его приемниками. Вашингтон оказался в положении, когда для урегулирования новых условий по договору СНВ-1 вместо одной страны, ему пришлось договариваться сразу с четырьмя номинально ядерными республиками. Судьба тактических ядерных боеприпасов в бывших советских республиках была определена в декабре 1991 г. В соответствии с Соглашением о совместных мерах в отношении ядерного оружия тактическое ядерное оружие было вывезено в Российскую Федерацию. Однако вопрос о стратегическом ядерном оружии в Казахстане, Украине и Беларуси по-прежнему оставался открытым.

В январе 1992 г. сенатор от штата Небраска Джон Джеймс Эксон, выступая в Сенате, докладывал о визите американской делегации в Россию, Казахстан и Украину. Представитель демократической партии возглавлял делегацию сенатского комитета по делам вооруженных сил, в состав которой входили сенаторы Термонд Стром от Южной Каролины, демократ Карл Левин от Мичигана и республиканец Корнелиус Макгиликадди от Флориды²⁶. По словам сенатора Дж. Эксона, целью данного визита была оценка их общего политического и экономического положения и обсуждение с официальными лицами этих стран будущих планов по созданию в этих республиках ядерного оружия — как стратегического, так и тактического. Дж. Эксон сообщал, что в Казахстане делегацию приняли министр иностранных дел Тулеутай Скакович Сулейменов, заместитель

министра обороны, заместитель председателя Верховного Совета РК, а также восемь высокопоставленных членов Верховного Совета, в том числе представитель казахстанских ученых, специализирующийся на вопросах ядерного сдерживания.

Парламентарий докладывал, что у Казахстана к 1 июля 1992 г. будет изъято всё тактическое ядерное вооружение, а к концу 1994 г. — всё стратегическое. При этом сенатор отмечал, что некоторые потенциальные проблемы транспортировки, хранения и демонтажа ядерного оружия всё же оставались: в Казахстане существовала потенциальная опасность передачи межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Опасения заключались в том, что преданные МБР, направленные в Россию, могли оставаться в не демонтированном состоянии в течение очень длительного времени, т.к. несмотря на то, что в России были возможности для демонтажа, там не было достаточного количества мест для специализированного хранения ядерных материалов. Интересуясь у казахстанских официальных лиц, будет ли у их республики статус ядерной державы, сенатор получил противоречивые ответы. Одна часть представитель казахстанских властей придерживалась анти-ядерных настроений, обусловленных опасностями, создаваемыми ядерными испытаниями, другая — не хотела бы сдавать стратегическое ядерное оружие, в то время как Россия и Китай сохраняют аналогичный тип вооружения.

В начале 1992 г. была предложена концепция Объединённых вооружённых сил СНГ, но по причине имеющихся противоречий между бывшими социалистическими республиками она не была воплощена. Это означало, что появлялась реальная вероятность сохранения ядерного оружия у каждой из четырёх стран, унаследовавших его. Урегулировать эту ситуацию было решено с помощью разработки дополнительного соглашения к СНВ-1, получившего название «Лиссабонский протокол».

В июле 1992 г., сенатор от штата Мэн демократ Дж. Митчелл-младший предоставил информацию Сенату о дополнительных документах, которые были связаны с Лиссабонским протоколом и Договором СНВ-1, но не являлись его неотъемлемой частью²⁷. Лидер большинства в Сенате пояснил, что документы представляли собой письма, содержащие юридически обязательства глав государств Беларуси, Казахстана и Украины относительно вывоза ядерного оружия и стратегических наступательных вооружений с их территорий. По словам сенатора, хотя эти документы не были представлены на рассмотрение Сената для получения консультаций и согласия на их ратификацию, они имеют значение в контексте рассмотрения договора о СНВ Сенатом.

В конце декабря 1995 г. республиканский сенатор от штата Индиана Ричард Лугар дал пояснения о содержании этих писем²⁸. По словам сенатора, первый обмен письмами был о переговорах между Россией и Казахстаном по соглашению в отношении ракет SS-18 и пусковых установок на территории Казахстана. В своем ответе от 29 декабря 1992 г. на обязательство министра иностранных дел России А. Козырева, госсекретарь Л. Иглбергер подтвердил, что Договор СНВ-2 будет представлен Сенату США для консультирования и согласия. Соглашение, предусматривающее перемещение в Россию и ликвидацию МБР из Казахстана, должно было быть подписано и реализовано. Предполагалось, что не позднее чем через 7 лет после вступления в силу Договора СНВ-1,

²⁷ Removal of injunction of secrecy. Congressional record. June 23, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt11/pdf/GPO-CRECB-1992-pt11-8-2.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

²⁸ Treaty with the Russian Federation on further reduction and limitation of strategic offensive arms (the START II treaty). Congressional record. December 22, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/12/22/CREC-1995-12-22-pt1-PgS19185-2.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

²⁶ The nation needs a comprehensive economic recovery plan. Congressional record. January 31, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/01/31/GPO-CRECB-1992-pt1-10.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

все развернутые и неразвернутые тяжелые МБР, находящиеся на территории Казахстана, будут перемещены в Россию, где они и их пусковые емкости будут уничтожены.

В начале июня 1992 г. сенатор от штата Южная Дакота республиканец Ларри Ли Пресслер, выступая в Сенате, попросил занести в протокол ряд статей, связанных с ядерным оружием на постсоветском пространстве. В статье Норманна Кемпстера «Советские наследники, США ядерные сокращения», вышедшей в мае 1992 г. в «Лос-Анджелес таймс» автор представил точку зрения о возобновлении попыток США «оживить» Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений²⁹. Автор писал, что высокопоставленный представитель госдепартамента намекал, что американская сторона была обеспокоена, что, подписание соглашения могло сорваться, если кто-нибудь из делегаций сказал что-либо спорное на церемонии. Н. Кемстер отмечал, что представители Казахстана, Украины и Белоруссии требовали к себе такого же серьезного отношения со стороны США, как и к России, поэтому договор был составлен на пяти языках каждой из стран, подписавших его.

Позиция Российской Федерации заключалась в том, что она не ратифицирует этот договор, пока три остальные республики не присоединятся к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Хотя госсекретарь Дж. Бейкер не был доволен этим обстоятельством, Вашингтон взял на себя обязательство убедить эти три страны присоединиться к ДНЯО. Для госсекретаря реализация СНВ-1 означала значительное снижение риска ядерной войны, существенное уменьшение стратегического наступательного вооружения и увеличение стратегической стабильности. В случае с Казахстаном, в ходе переговоров Дж. Бейкера и представителя Казахстана Тулегена Тлековича Жукеева госсекретарь дал обещание, что США поддержат любую неядерную власть, подвергающуюся ядерному нападению.

Выступая в Сенате 2 июля 1992 г., сенатор от Род-Айленда демократ Клэйборн Пелл высказывался об основных положениях СНВ-1³⁰. Он говорил, что Лиссабонский протокол обеспечил принятие совместных обязательств бывшего СССР в соответствии с СНВ-1 Беларусь, Казахстаном, Россией и Украиной. Демократ отмечал, что протокол обязывает Беларусь, Казахстан и Украину придерживаться соглашения о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. в статусе безъядерных государств участников, которые должны были в самое ближайшее время начать немедленно принимать все необходимые меры в этом направлении. В целом, сенатор воспринимал последствия подписания Лиссабонского протокола и договора СНВ-1 как благоприятные. Он предполагал, что СНВ-1 решил проблему государства приемника СССР, поощрил другие государства уменьшать свои арсеналы до самых низких возможных показателей, спасло мир от угрозы использования, неправильного употребления или диверсии ядерного оружия.

В конце июля 1992 г., республиканский конгрессмен от штата Иллинойс Филип Миллер Крейн предложил коллегам ознакомиться с предложениями Фрэнка Дж. Гаффни-младшего, которые он изложил в статье в «Уолл-стрит джорнэл», вышедшей 26 июня 1992 г.³¹ Ф. Гаффни предупреждал о не-

обходимости решения проблемы советского ядерного оружия. Автор статьи утверждал, что необходимо включить положения в Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений для решения этих вопросов до того, как соглашение будет ратифицировано Сенатом. Ф. Гаффни писал, что следует настоятельно призвать администрацию Дж. Буша-старшего сосредоточиться на подходах, которые устранят основную причину угрозы от бывших советских стран. Он считал, что только тогда, когда подлинно демократическая политическая система и свободная рыночная экономическая система полностью вытеснят сохраняющиеся институты империи и милитаризма, опасения о возрождении опасности со стороны бывшего СССР будут развеяны.

Не только неопределённость, связанная с угрозой распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке и в других частях мира, настораживала американских парламентариев, но и политика недавних республик, входивших в состав СССР, представляла собой загадку, а значит потенциальную опасность. Выступая в Сенате в сентябре 1992 г., республиканский сенатор от штата Мэн Уильям Себастьян Коэн, высказывался о политике Вашингтона в области ядерного противостояния. Будущий министр обороны предполагал, что неизвестно, кто может стать самой большой ядерной угрозой, с которой США столкнутся через 5 лет. По его мнению, такой угрозой мог стать Казахстан, Ирак, Иран, Китай или другая нация³².

Вашингтон пытался мотивировать бывшие советские страны также и посредством финансовой помощи. Так, после подписания Лиссабонского протокола Сенат в полном составе принял «Акт о поддержке свободы» для оказания помощи бывшим советским республикам. Сенатор Л. Пресслер считал, что условия его поправки — «Поправки Пресслера» — должны применяться к другим развивающимся странам, получающим помощь от Соединенных Штатов: «США следует использовать экономические средства, чтобы побудить страны оставаться неядерными»³³.

Для американской стороны подписание бывшими советскими республиками этих документов означало не только реализацию положений отложенного соглашения СНВ-1, но также важный элемент политики нераспространения, проводимой Вашингтоном. Каждое новое государство, кроме России, подписавшее протокол было обязано ликвидировать все ядерное оружие и стратегические наступательные вооружения со своей территории в течение 7 лет после даты вступления в силу договора СНВ-1. Положения договора позволили Вашингтону достичь их фундаментальных целей по сдерживанию и обеспечению стабильности путем сбалансированных сокращений, а также обеспечили правовую основу для сокращений и окончательной ликвидации всего ядерного оружия в трёх бывших советских республиках. Однако этот процесс проходил с определёнными трудностями.

Так, после подписания договора СНВ-1, некоторые страны не спешили присоединяться к ДНЯО, тем самым поставив под угрозу выполнение положений данного соглашения: Российская Федерация соглашалась ратифицировать договор только после присоединения остальных трёх бывших советских республик, имеющих ядерное оружие, к ДНЯО. В конце апреля 1993 г., конгрессмен от штата Калифорния демократ Фортни Хиллман Старк-младший, выступая в Палате пред-

²⁹ United States should act on unsafe soviet reactors. Congressional record. June 2, 1992. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1992-pt9/pdf/GPO-CRECB-1992-pt9-9-2.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

³⁰ Committee approval of the START treaty. Congressional record. July 2, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/07/02/GPO-CRECB-1992-pt13-1.pdf> (data of accesses: 15.03.2022).

³¹ Arms control that builds lasting peace. Congressional record. July 24, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/07/24/GPO-CRECB-1992-pt14-2.pdf> (data of accesses: 16.03.2022).

³² National defense authorization act. Congressional record. September 18, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/09/18/GPO-CRECB-1992-pt18-2.pdf> (data of accesses: 16.03.2022).

³³ Nuclear proliferation in Pakistan: reaffirming the intent of the Pressler amendment. Congressional record. August 5, 1994. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/08/05/GPO-CRECB-1994-pt14-2.pdf> (data of accesses: 16.03.2022).

ставителей, высказывался о ходе присоединения Казахстана, Беларуси и Украины к ДНЯО³⁴. Конгрессмен отмечал, что только Беларусь выполнила это обязательство, ратифицировав ДНЯО. Украина и Казахстан затягивали принятие этого решения. По мнению конгрессмена, существовала вероятность, что если эти страны сохраняют ядерное, то СНВ-1 не вступит в силу, в результате чего США и Россия останутся с большими ядерными арсеналами. Демократ сообщал, что в этом случае, подобный исход дорого обойдётся налогоплательщикам США. По мнению Ф. Старка, в худшем случае это могло поставить под угрозу будущее ДНЯО. Он опасался, что некоторые из европейских союзников США могли переосмыслить свой неядерный статус, если бы увидели дополнительные ядерные державы, находящиеся недалеко от их границ, также это могло повысить шансы контрабанды ядерных материалов, повысить вероятность региональной ядерной войны и стать оправданием для разработок ядерного оружия в других странах.

По мнению сенатора от штата Вашингтон демократа Патрисии Линн Мюррей, высказанного в Сенате 12 мая 1993 г., важность ситуации с присоединением Украины и Казахстана к ДНЯО неуклонно возрастала по мере того, как мир приближался к обзорной конференции 1995 г., на которой решался вопрос о продлении договора³⁵. Сенатор считала, что не следовало ни секунды сомневаться в необходимости продления и укрепления ДНЯО. Американская администрация не оставляла попыток убедить Казахстан и Украину присоединиться к ДНЯО. В конце октября 1993 г. конгрессмен от штата Калифорния Ф. Старк высказывал слова поддержки госсекретарю Уоррену Кристоферу за его усилия по ядерному разоружению в странах бывшего СССР³⁶. Конгрессмен сообщал, что во время поездки в новые независимые государства бывшего СССР госсекретарь У. Кристофер заручился заверениями властями Республики Казахстан в том, что их страна присоединится к ДНЯО. Взамен на демонтаж администрации США пообещала Казахстану помощь в размере 140 млн долларов. В результате, 13 декабря 1993 г. Верховный Совет Республики Казахстан ратифицировал Договор о нераспространении ядерного оружия. Уже 12 февраля 1994 г. Казахстан присоединился к ДНЯО в качестве безъядерного государства. В начале марта 1998 г. парламентарий Ф. Старк высказывался о политике ядерного нераспространения³⁷. Он говорил, что с окончанием Холодной войны и распадом СССР усилия по нераспространению ядерного оружия продолжали оставаться приоритетом для США. Ф. Старк отмечал, что бывшие советские государства присоединились к ДНЯО как государства, не обладающие оружием, и согласились вывезти все ядерные материалы со своей территории, что, в свою очередь, укрепило ДНЯО: в 1995 г. договор завершил свой 25-летний срок действия и стал постоянным. Представитель Нью-Йорка в Сенате демократ Дэниел Патрик Мойнихан, выступая в Сенате в октябре 1999 г., попросил коллег ознакомиться со статьёй «Договор, в котором мы все

нуждаемся», вышедшей в «Нью-Йорк таймс» под авторством Жака Ширака, Тони Блэра и Герхарда Шредера³⁸. Коллектив авторов в лице лидеров Франции, Великобритании и Германии отмечали общую решимость мировых держав благодаря которой удалось добиться существенного сокращения ядерных арсеналов, запрещения химического оружия, бессрочного продления действия ДНЯО, а в 1996 году — завершения переговоров о Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). В целом статья комплементарно характеризовала совместные усилия стран Запада по ядерному нераспространению одновременно призывая развивать успех посредством присоединения большего количества стран к ДВЗЯИ.

В отличие от европейских лидеров отношение к ДВЗЯИ в США было не столь однозначным. Договор был принят в ООН и открыт для подписания с 24 сентября 1996 г. Несмотря на заявленную политику по снижению ядерной угрозы и тем фактом, что У. Клинтон был первым лидером, кто подписал этот договор, законодательные власти США в лице Сената затягивали рассмотрение вопроса по ратификации договора. На 2022 г. США по-прежнему не ратифицировали ДВЗЯИ. Договор предполагает наличие международной системы контроля выполнения посредством создания сети мониторинговых станций, способных выявлять активность, связанную с ядерными взрывами. В начале сентября 1998 г., выступая в Сенате, демократ и сенатор от штата Айова Томас Ричард Харкин высказывался о системе мониторинга ДВЗЯИ³⁹. Он предлагал добавить станции мониторинга в Казахстане, Пакистане, Китае, Казахстане и других странах. Т. Харкин говорил, что с помощью системы мониторинга ДВЗЯИ почти сразу же удалось обнаружить индийские и пакистанские ядерные испытания, что позволило США с высокой точностью определить место и результаты этих испытаний. Сенатор заключил, что это был явный успех новой системы обнаружения.

США удалось убедить Казахстан взять на себя обязательства по отказу от ядерного статуса, что означало фактическую денуклеаризацию в самой ближайшей перспективе. Присоединение Казахстана к таким международным нормативно-правовым актам как Лиссабонский протокол, ДНЯО, ДВЗЯИ закрепило безъядерные намерения казахстанских властей, после чего переиграть эту ситуацию было почти невозможно и оставалось перейти к реальным шагам по ядерному разоружению. Значительный вклад в этот процесс внесли США.

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Несмотря на то, что ещё в начале 1990-х гг. власти Казахстана были готовы сделать свою страну зоной свободной от ядерного оружия, процесс разоружения не был скоротечным и продолжался в течение нескольких лет. К середине 1990-х гг. денуклеаризация в среднеазиатской республике была почти полностью закончена. В 1994 г. в Российскую Федерацию было вывезено 120 боеголовок Р-36М с улучшенными тактико-техническими характеристиками. Последние пусковые шахтные установки в республике были демонтированы к концу мая 1995 г. Основным инструментом для ядер-

³⁴ Introducing legislation to stop nuclear proliferation in the former Soviet Union. Congressional record. April 29, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/04/29/GPO-CRECB-1993-pt6-13.pdf> (data of accesses: 17.03.2022).

³⁵ Regarding aids housing of Washington. Congressional record. May 12, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/05/12/GPO-CRECB-1993-pt7-8.pdf> (data of accesses: 17.03.2022).

³⁶ Commending Secretary Christopher for promoting denuclearization in the former Soviet Union. Congressional record. October 27, 1993. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1993/10/27/GPO-CRECB-1993-pt18-6-3.pdf> (data of accesses: 18.03.2022).

³⁷ The nuclear non-proliferation policy act of 1998. Congressional record. March 4, 1998. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1998/03/04/CREC-1998-03-04-pt1-PgE295.pdf> (data of accesses: 18.03.2022).

³⁸ Comprehensive nuclear test-ban treaty. Congressional record. October 8, 1999. URL: <https://www.congress.gov/106/crec/1999/10/08/CREC-1999-10-08.pdf> (data of accesses: 18.03.2022).

³⁹ Foreign operations, export financing, and related agencies appropriations act, 1999. Congressional record. September 2, 1998. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1998/09/02/CREC-1998-09-02-pt1-PgS9854.pdf> (data of accesses: 18.03.2022).

ного разоружения Казахстана стала «Программа Нанна-Лугара», или «Программа совместного уменьшения угрозы», инициированная США. Правовой основой программы были Закон США «Об уменьшении советской ядерной угрозы» 1991 г. и Закон «О совместном уменьшении угрозы» 1993 г.⁴⁰ Программа выполнялась при участии Агентства по уменьшению угрозы Министерства обороны США, начиная с 12 декабря 1991 г. Действовала программа не только в отношении Казахстана, но и в отношении остальных стран СНГ. Программа имела несколько задач, но, прежде всего, она была направлена на демонтаж оружия массового поражения и инфраструктуры, производившей его.

Изначально свою рекомендацию администрации Дж. Буша-старшего по оказанию всяческой помощи бывшим республикам СССР выразил госсекретарь Дж. Бейкер. Тем не менее, когда сенатор Сэмюэль Нанн в Конгрессе впервые предложил выделять американские средства на нужды советского ядерного оружия, — это было сенсационной идеей, с которой многие были не согласны [Тaubман, 2016: 363]. Важным событием, повлиявшим на мнение американских парламентариев, стал доклад профессора Гарварда — Эштона Картера, в котором учёный рассказал о результатах своего исследования, посвященного контролю над ядерным оружием в распадающемся СССР.

Э. Картер пришёл к выводу, что распад СССР приведёт к самому крупному распространению ядерной угрозы за всю атомную эру [Там же]. Учёный был первым, кто предложил объединить усилия недавних противников в Холодной войне против общей угрозы ядерного распространения. В результате в ноябре 1991 г. по инициативе сенаторов С. Нанна и Р. Лугара программа была одобрена Конгрессом США⁴¹. В июне 1992г. было подписано «Соглашение между США и Российской Федерацией относительно безопасных и надежных перевозок, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия», а в июне 1999г. к этому соглашению был оформлен дополнительный протокол, продлевающий срок действия соглашения ещё на 7 лет⁴². Порядок реализации соответствующих проектов на территории Казахстана регулировался двусторонним соглашением с США. «Соглашение между Республикой Казахстан и Соединёнными Штатами Америки относительно уничтожения шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет, ликвидации последствий аварийных ситуаций и предотвращения распространения оружия массового уничтожения», было подписано 13 декабря 1993 г. в Алматы и было закреплено последующими межведомственными соглашениями.

Выступая в Сенате, в сентябре 1992 г. сенатор С. Нанн сообщал, что, хотя Казахстан, Украина и Белоруссия дали обещание уничтожить или передать все стратегические наступательные вооружения с их территорий к 1999 г., они могут быть ограничены в своих средствах для выполнения этого обещания⁴³. По словам сенатора С. Нанна, программа Нанна-Лугара

должна была стать тем механизмом, в том числе и финансовым, который окажет помощь в ядерном разоружении бывшим советским республикам. Демократ подчёркивал, что денежные средства Нанна-Лугара, которые должны были использоваться для конверсионных действий оборонной промышленности в бывших советских республиках, не являлись иностранной помощью и не представляли собой безвозмездное предоставление средств налогоплательщиков США на нужды оборонной промышленности чужих стран. Сенатор считал, что выделенные в рамках программы деньги были предназначены, в первую очередь, для подрядчиков из США. Он предполагал, что подобная мера, прежде всего, должна была помочь американским компаниям, планирующим инвестировать их собственные капиталы в совместные предприятия с бывшими советскими отраслями оборонной промышленности, заинтересованными в их преобразовании в невоенные производства.

Реализация такой масштабной программы неизбежно сталкивалась с трудностями. Выступая в Сенате в середине июля 1994 г., республиканский сенатор Пьетро Вичи Доменичи от штата Нью-Мексико отмечал, что программа не реализовывалась в полной мере⁴⁴. Сенатор объяснял, что американские власти не смогли потратить деньги на эту программу в полном объёме по разным причинам. В качестве первой причины задержки парламентарий назвал трудность достижения договорённостей по сложным и деликатным вопросам с правительствами Казахстана, Украины и России. Второй причиной стали сложности в распределении бюджета со стороны Министерства обороны США. П. Доменичи просил внести в протокол письмо министра обороны У. Перри на имя вице-президента А. Гора, в котором объяснялись причины задержки в реализации программы Нанна-Лугара. По словам министра обороны США, приведёнными в письме, сотрудники его ведомства пытались перевести деньги внутри министерства такими способом, с которым Конгресс не мог согласиться.

Споры об эффективности «Программы совместного уменьшения угрозы» не были редкостью в стенах Конгресса США. Например, в середине июля 1995 г. в Палате представителей, состоялось обсуждение поправки Дорнана⁴⁵. Поправку инициировал конгрессмен от штата Калифорния республиканец Роберт Дорнан. Суть поправки заключалась в запрете использования средств «Программы совместного уменьшения угрозы» для деятельности в России до тех пор, пока президент США не подтвердит Конгрессу, что Россия прекратила реализацию своей программы наступательного биологического оружия. Аргументы против поправки высказывал конгрессмен от штата Южная Каролина демократ Джон Макки Спратт-младший. По мнению Д. Спратта, программа Нанна-Лугара не представляла собой раздачу средств американских налогоплательщиков в пользу России, Белоруссии или Казахстана, но являлась обоюдовыгодным инструментом, как для этих стран, так и для США⁴⁶. Приводя, как пример, таблицу оценки данной программы Пентагоном, он перечислял различные показатели, которых удалось достичь. Среди показателей Д. Спратт упомянул, что все казахстанские боеголовки были вывезены и возвращены России,

⁴⁰ Нанна-Лугара программа // ПИР-Центр. URL: <http://www.pircenter.org/sections/140-nannalugara-programma> (data of accesses: 18.03.2022).

⁴¹ Как работала программа Нанна-Лугара // Медиа портал «Коммерсантъ». 10 октября 2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2040919> (data of accesses: 18.03.2022).

⁴² Сотрудничество в области ликвидации сокращаемых стратегических вооружений и обеспечении безопасности ядерных материалов. Программа совместного снижения угрозы // Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 22 апреля 2003. URL: <http://www.armscontrol.ru/course/lectures03a/gkh30422.htm> (data of accesses: 18.03.2022).

⁴³ Department of defense appropriations act, fiscal year 1993. Congressional record. September 22, 1992. URL: <https://www.congress.gov/102/crecb/1992/09/22/GPO-CRECB-1992-pt18-4-1.pdf> (data of accesses: 19.03.2022).

⁴⁴ Foreign operations, export financing, and related agencies appropriations act, 1995. Congressional record. July 15, 1994. URL: <https://www.congress.gov/103/crecb/1994/07/15/GPO-CRECB-1994-pt12-2.pdf> (data of accesses: 19.03.2022).

⁴⁵ H. Amdt. 423 — 104th Congress (1995-1996). Description. URL: <https://www.congress.gov/amendment/104th-congress/house-amendment/423?s=1&r=2> (data of accesses: 20.03.2022).

⁴⁶ Sec. 3531. Conforming amendment to title 31, United States code. Congressional record. June 13, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/06/13/CREC-1995-06-13-pt1-PgH5782-3.pdf> (data of accesses: 19.03.2022).

были выведены из строя 1000 бомбардировщиков на Украине и в Казахстане: за 1997 г. из Казахстана были вывезено 63 тяжёлых бомбардировщика и 61 межконтинентальная баллистическая ракета⁴⁷. Также в этой республике были засыпаны 148 шахтных пусковых установок для SS-18⁴⁸ [Prohibition on use of funds for certain purposes in case of transfer of missile system by Russia]. Благодаря программе Нанна-Лугара была частично профинансирована транспортировка 600 кг высокообогащенного урана, достаточного для изготовления не менее 20 единиц оружия, из Казахстана на безопасное хранение в Ок-Ридж, штат Теннесси. В качестве очередного достижения программы демократ из Южной Каролины сообщил, что «Программа Нанна-Лугара» помогла нанять 8200 ученых и военных инженеров для участия в гражданских исследовательских проектах. Он отмечал, что вместо того, чтобы эти люди уехали куда-то ещё, где могли использовать свои таланты для другой страны, которая могла проводить жесткую и враждебную политику в отношении США, 8200 ученых и инженеров заняты в гражданских исследованиях.

Против доводов Д. Спратта высказывался конгрессмен от штата Висконсин республиканец Марк Уильям Нойманн, поддерживающий поправку Дорнана. По словам М. Нойманна, он бы поддержал практически любую поправку, которая останавливает или замедляет приток налоговых долларов из Соединенных Штатов в Россию. Республиканец отмечал, что законопроект о разрешении на оборону, который они тогда рассматривали, позволял потратить 6 млн долларов на проектирования объекта для хранения расщепляющихся материалов в России. Выделение средств на проектирование хранилища деталей, компонентов ядерных боеголовок, которые будут храниться в России на долгосрочной основе, не имели для него никакого смысла. Он был убежден, что средств налогоплательщиков из США, потраченные на проектирование хранилища для расщепляющихся материалов или компонентов для будущих ядерных боеголовок в России, будут потрачены впустую. В ответ на это конгрессмен от штата Массачусетс демократ Мартин Михан, говорил, что принятие данной поправки, цель которой была попытка наказать русских, накажет казахстанцев, белорусов, и в итоге самих себя, поэтому не имеет смысла.

Срединную позицию об эффективности программы высказывал сенатор от Южной Каролины Дж. Турмонд⁴⁹. Он считал, что программа оказалась полезной в аспекте обеспечения сокращения и возврата стратегических ядерных вооружений трех республик: Украины, Белоруссии и Казахстана, — однако не рекомендовал существенно увеличивать её финансирование, а также — сопутствующей программы Министерства энергетики, т.к. в остальных аспектах её достижения были менее заметны.

В целом, позитивные оценки эффективности Программы Нанна-Лугара среди конгрессменов преобладали, особенно после завершения ядерного разоружения. Так, выступая в Сенате в июне 1996 г., сенатор от штата Северная Дакота демократ Байрон Лесли Дорган говорил, что благодаря программе удалось существенно уменьшить ядерную угрозу. Он высказал мнение, что, т.к. в бывшем СССР: Украине, России и Ка-

захстане, — уничтожаются бомбардировщики ракеты — мир стал куда более безопасным местом⁵⁰. Тем не менее после завершения денуклеаризации Казахстана и Украины, Беларусь обладала несравнимо меньшими запасами ядерного оружия по сравнению с этими странами, это не мешало американским парламентариям обсуждать перераспределение средств из этой программы на другие нужды. Конгрессмен от штата Нью-Йорк республиканец Джеральд Соломон, выступая в мае 1997 г. в Палате представителей, предлагал перевести деньги из Программы «Нанна-Лугара» — более 800 миллионов долларов — и направить их на оплату американских войск в Боснии, вместо того, чтобы брать их из бюджета на эксплуатацию и техническое обслуживание⁵¹. Позже эта поправка Дж. Соломона, касающаяся финансирования «Программы Нанна-Лугара», была исключена из списка защищённых поправок⁵².

Непосредственно ядерное разоружение никогда не было единственной целью данной программы. Действуя превентивно американские власти, желали развить свой успех в вопросе нераспространения. Так, в 2001 г. под эгидой «Программы Нанна-Лугара» США и Казахстан успешно завершили совместный проект по обеспечению сохранности одного из крупнейших в мире запасов оружейного плутония. Выступая в Сенате в июле 2001 г., сенатор Р. Лугар, рассказывал, что сам посетил в августе 1998 г. фабрику по производству торпед в г. Алма-Ате, которая была преобразована для производства больших стальных канистр для хранения плутония⁵³. Также сенатор предложил коллегам ознакомиться со статьёй «Вашингтон таймс» от 21 июля 2001г. «Казахстанские хранилища плутония обезврежены⁵⁴». Автор статьи писал о том, что официальные лица США выразили удовлетворение после того, как один из крупнейших в мире запасов оружейного плутония, расположенный в Казахстане, был успешно защищен от краж. По его словам, более трех тонн плутония, достаточного для изготовления около 400 бомб, хранилось в реакторе на быстрых нейтронах на берегу Каспийского моря. Имеющиеся условия безопасности были сходными с условиями безопасности офисного здания. В 1996 г. правительство президента Н. Назарбаева, Международное агентство по атомной энергии и США разработали программу усиления безопасности и разработки ёмкостей для предотвращения краж. Торпедному заводу в Алма-Ате, который был переоборудован под гражданскую работу, было поручено производить большие стальные контейнеры. В июне 2001 г., после трех лет работы и поддержки со стороны США в размере 43 млн долларов, 478 канистр были заварены и спущены в воду. На заводе появились охраняемые ворота, камеры видеонаблюдения, рентгеновские аппараты и турникеты с магнитными картами, а также датчики, которые круглосуточно контролируют ядерные материалы. В соответствии с указом Н. Назарбаева канистры с ядерным топливом были доставлены поездом в Семипалатинск.

⁵⁰ National defense authorization act for fiscal year 1997. Congressional record. June 18, 1996. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1996/06/18/CREC-1996-06-18-pt1-PgS6386.pdf> (data of accesses: 23.03.2022).

⁵¹ Housing opportunity and responsibility act of 1997. Congressional record. May 6, 1997. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1997/05/06/CREC-1997-05-06-pt1-PgH2188-2.pdf> (data of accesses: 23.03.2022).

⁵² Providing for consideration of H.R. 1469, 1997 emergency supplemental appropriations act for recovery from natural disasters, and for overseas peacekeeping efforts, including those in Bosnia. Congressional record. May 15, 1997. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1997/05/15/CREC-1997-05-15-pt1-PgH2687-5.pdf> (data of accesses: 23.03.2022).

⁵³ Controlling the proliferation of small arms and light weapons. Congressional record. July 26, 2001. URL: <https://www.congress.gov/107/crec/2001/07/26/CREC-2001-07-26-pt1-PgS8276.pdf> (data of accesses: 24.03.2022).

⁵⁴ Kazakh plutonium stores made safe. The Washington Times. July 21, 2001. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2001/jul/21/20010721-024401-6132r/> (data of accesses: 25.03.2022).

⁴⁷ National defense authorization act for fiscal year 1996. Congressional record. June 13, 1995. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1997/07/08/CREC-1997-07-08-pt1-PgS6960-3.pdf> (data of accesses: 20.03.2022).

⁴⁸ Prohibition on use of funds for certain purposes in case of transfer of missile system by Russia. Congressional record. June 23, 1997. URL: <https://www.congress.gov/105/crec/1997/06/23/CREC-1997-06-23-pt1-PgH4169.pdf> (data of accesses: 21.03.2022).

⁴⁹ National defense authorization act for fiscal year 1996. Congressional record. September 6, 1995. URL: <https://www.congress.gov/104/crec/1995/09/06/CREC-1995-09-06-pt1-PgS12649-5.pdf> (data of accesses: 22.03.2022).

В результате в ходе реализации «Программы Нанна-Лугара» Казахстан остался без ядерного оружия и соответствующей инфраструктуры. Американские парламентарии не были коллегиально довольны результатами этой программы, но всё же отмечали факт того, что с главной задачей — ядерным разоружением — ей удалось справиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распад социалистического блока и СССР, позволил американскому истеблишменту считать свою страну победителем в Холодной войне. Объективно, перед Белым домом открылось множество возможностей, в том числе, он стал архитектором новой системы международных отношений, где ведущую роль он предпочёл оставить за собой. Это произошло несмотря на то, что в мире сложилась уникальная ситуация и американские власти могли существенно повлиять на ядерные сокращения так же и внутри своей страны, однако в начале 1990-х гг. военное лобби значительно усилило свои позиции, предопределив внешнюю политику США, выраженную в стремлении к доминированию.

Теперь США могли действовать на мировой арене по собственному усмотрению, не опасаясь физического уничтожения посредством ядерного удара со стороны СССР. Для единственной оставшейся сверхдержавы это означало почти полную свободу действий. Однако Советский Союз не исчез бесследно, оставив после себя полтора десятка независимых государств, часть из которых унаследовала его ядерный арсенал. Третья по мощности часть ядерного наследия досталась Казахстану. Несмотря на то, что содержание ядерной инфраструктуры является затратной статьёй для бюджета любой страны, ядерный арсенал является крайне весомым аргументом на международной арене: ко мнению ядерной страны всегда будут внимательны независимо от размера её экономики, примером чего является КНДР. С точки зрения американцев, оценивающих международную обстановку стратегически, одновременное появление, кроме ослабшей России, ещё трёх ядерных республик могло создать значительное количество проблем для положения Вашингтона. Для осуществления своего намерения США не нуждались в поддержке мирового сообщества, которое по итогу всё равно с охотой поддержало решение о ядерном разоружении трёх новых республик: заполучить подобные привилегии для стран, где только начала складываться государственность попросту было бы несправедливостью, не говоря об объективных плюсах в области безопасности.

В отличие от СССР, новые независимые страны воспринимались в Вашингтоне как государства с крайне неустойчивыми политическими режимами, которые могли стремительно изменить свои намерения в отношении США: развернуться от партнёрских отношений и вернуться к конфронтации. Ещё одним фактором, вызывающим настороженность в Белом доме, стал вопрос о способности новых государств охранять и содержать соответствующие военные объекты. Зарождающиеся при содействии США молодые демократии испытывали серьёзные экономические трудности при переходе к рыночной модели экономики. Это потенциально могло обернуться для них государственным кризисом, что могло ослабить государственный контроль над ядерным вооружением и объектами его инфраструктуры. Воспользоваться слабостью зарождающихся государственных институтов могли террористические группировки, способные выкрасть как само оружие, так и технологии его создания. Также американские власти опасались, что сложные экономические реалии 1990-х гг. могли подтолкнуть учёных переехать ради материальных благ в «страны-изгои», где, используя свой

опыт и знания, они могли помочь существенно продвинуться местным учёным в создании ядерного оружия. В случае Казахстана к этим опасениям добавлялся ещё один дополнительный фактор. В то время как Украина и Белоруссия были странами, расположенными в Европе и населёнными славянскими, а значит европейскими, народами, Казахстан представлял собой для многих американцев terra incognita. Недоверие среди американских властей вызывал также факт исламского вероисповедания казахов, что, в их представлении, грозило потенциальной передачей на государственном уровне ядерных технологий другим мусульманским странам.

Таким образом, все вышеописанные опасения побудили администрацию 41-го американского президента быстро и решительно принудить Казахстан отказаться от ядерного оружия. Это дело продолжила и последующая администрация. Американская законодательная ветвь власти в лице Конгресса США проявляла солидарность с администрацией. Несмотря на сложные взаимоотношения администрации президента и Конгресса в этом вопросе их позиции были идентичными, т.к. отвечали интересам их страны в целом. Чтобы объяснить необходимость дальнейшего военного усиления США в Конгрессе начали звучать голоса, о том, что после распада СССР ядерная угроза не снизилась, а наоборот, только возросла. Также конгрессмены говорили о ядерном разоружении Казахстана в контексте снижения нагрузки на бюджет США и пользы для экологии не только для самого Казахстана, но и мира в целом.

Совпадение позиций Администрации президента и Конгресса США предопределило вмешательство США в судьбу ядерного оружия в Казахстане. Немаловажным фактором, подготавливавшим американские власти к реализации данного намерения, стала разработка СНВ-1, начавшаяся в последние годы существования СССР. Присоединение трёх новых ядерных республик к этому соглашению посредством специального протокола, начало процесс юридического закрепления безъядерного статуса за среднеазиатской республикой. Конгрессмены поддерживали присоединение Казахстана и ко всем последующим международным нормативно-правовым актам, в которых казахстанское правительство обязывалось отказаться от ядерного оружия и его испытаниях — ДНЯО и ДВЗЯИ. Также США обещали поддержку Казахстану в случае отказа от идеи сохранения подобного вооружения, что говорит о высокой степени их озабоченности от угрозы, исходящей от трёх бывших республик. Закономерно, что именно США стали инициаторами «Программы Нанна-Лугара», ставшей инструментом по их ядерному разоружению. Оценки необходимости программы, её реализации, степени её эффективности, становились поводом для дискуссий в Конгрессе. Если сама по себе идея отказа от ядерного оружия Казахстана не вызвала споров, то степень участия США, особенно использование денег американских налогоплательщиков, вызывала сопротивление у части конгрессменов. Особенно это стало актуальным после фактического разоружения Казахстана и Украины, т.к. программа продолжилась, занимаясь конверсией, создание мест хранения ядерных отходов и других сопутствующих вопросов. Это стало возможным, потому как, не взирая на другие заявленные задачи, целью программы было именно ядерное разоружение трёх республик.

Таким образом, Конгресс США поддерживал исполнительную власть в вопросе ядерного разоружения Казахстана, видя в этом возможность избавиться от угроз физического уничтожения американского народа. В первой половине 1990-х гг. конгрессмены не выработали различные подходы к Украине, Беларуси и Казахстану, оценивая их только по степени стоворчивости и готовности к сотрудничеству в деле ядерного разоружения. Вопросами ядерного разоружения обсуждались преимущественно в Сенате. Ядерное разоружение

Казахстана, а также Украины и Беларуси воспринималось конгрессменами как разоружение СССР, т.е. действующего противника. В некотором смысле ядерное разоружение этих республик стало ещё одним шагом в вопросе распада СССР, завершив его существование с точки зрения разрушения еди-

ной ядерной инфраструктуры. Ядерное разоружение трёх республик стало оформлением победы США в Холодной войне. Поэтому денуклеаризация проходила не потому, что США стали мировым лидером, желающим себя обезопасить, а для того, чтобы США им стали.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байзакова К.И., Кукеева Ф.Т., Жигалов К.В. Западный вектор внешней политики Казахстана: состояние и перспективы // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. 2021. №4 (96). С. 8–14.
2. Азербайев С.Г., Умгаев С.А. Ядерное разоружение Казахстана и общность в этом вопросе с африканскими странами // Вестник КалмГУ. 2021. №1 (49). С. 6–15.
3. Каракаев С.В. Сохранение потенциала ракетных войск стратегического назначения после распада советского союза // Военная мысль. 2021. №9. С. 125–132.
4. Александров С.Н. Ядерное разоружение Казахстана как интерес США (1990-е гг.) / С.Н. Александров // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения : сборник материалов XV Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 29–30 апреля 2019 г.). Томск, 2019. Вып. 15. С. 269–272.
5. Александров Н.Д. Проблемы ядерного разоружения и участие республики Казахстан в их разрешении в контексте международной безопасности // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. 2018. № 4. С. 152–156.
6. Мацюк Д.А. Казахстанский опыт ядерного разоружения // Международный журнал информационно-коммуникационных технологий. 2022. Специальный выпуск. С. 117–123.
7. Муратшина К.Г. Политика государств постсоветской Центральной Азии в отношении Договора о запрещении ядерного оружия // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 47–56.
8. Иватова Л.М., Ордабек Е.А. Вклад президента Казахстана в обеспечение ядерной безопасности в условиях глобализации // П26 Первый Президент Республики Казахстан — Елбасы: стратегия государственного управления и феномен лидерства: сборник материалов международной научно-практической конференции, Алматы, 11 ноября 2017 года / под общ. ред. М.Б. Касымбекова. — Астана: Библиотека Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы, 2018. С. 138–146.
9. Величков К.С. Система регулирования деятельности Казахстана в ядерной области как внешнеполитический актив // Вестник НЯЦ РК. 2021. № 3. С. 21–28.
10. Шенин С.Ю. «Программа Нанна-Лугара» и ядерное разоружение Украины // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. № 3. С. 103–114.
11. Чихичин Ю.С. Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992–1996 годов // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. №2. С. 221–226.
12. Чернега В.Н. Ядерный арсенал Франции и ее подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия // АПЕ. 2020. №3. С. 94–117.
13. Румянцев В.П. «Давид и Голиаф»: Д. Бен-Гурион и разногласия с США по вопросу ядерной программы Израиля, 1960–1963 гг // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2020. № 64. С. 78–84.
14. Таубман Ф. Солдаты холодной войны / Ф. Таубман; [пер. с англ. В.Н. Верченко]. — М.: Издательство АСТ, 2016. — 608 с.
15. Баранова Н.С., Ветлугина А.Э. Международно-правовой контроль режима нераспространения ядерного оружия // Закон и право. 2021. №7. С. 154–158.

REFERENCES:

1. Bajzakova K.I., Kukeeva F.T., Zhigalov K.V. Western vector of Kazakhstan's foreign policy: state and prospects. Series of International Relations and International Law. Almaty. No. 4(96). Pp. 8–14. (In Russ.)
2. Azerbaev S.G., Umgaev S.A. Nuclear disarmament of Kazakhstan and generality in this matter with African countries. Bulletin of KalmSU. Elista. 2021. No. 1(49). Pp. 6–15. (In Russ.)
3. Karakaev S.V. Maintaining the potential of strategic missile forces after the collapse of the Soviet Union. Military thought. Moscow. 2021. No. 9. Pp. 125–132. (In Russ.)
4. Aleksandrov S.N. Nuclear disarmament of Kazakhstan as a US interest (1990s). Issues of history, archeology, political science and regional studies: a collection of materials of the XV All-Russian (with international participation) scientific conference of students, master's students, graduate students and young scientists. Tomsk, 2019, Pp. 269–272 (In Russ.)
5. Aleksandrov N.D. Problems of nuclear disarmament and participation of the Republic of Kazakhstan in their resolution in the context of international security. Bulletin of the Kazakh-American Free University. Ust-Kamenogorsk. 2018. No. 4. Pp. 152–156. (In Russ.)
6. Masyuk D.A. Kazakhstan experience in nuclear disarmament. International Journal of Information and Communication Technologies. Paris. 2022. Special issue. Pp. 117–123. (In Russ.)
7. Muratshina K.G. Post-Soviet Central Asian states' policies towards the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Administrative consulting. Yekaterinburg. 2019. No. 11. Pp. 47–56. (In Russ.)
8. Ivatova L.M., Ordabek E.A. Contribution of the President of Kazakhstan to ensuring nuclear safety in the context of globalization. First President of the Republic of Kazakhstan — Elbasy: strategy of public administration and the phenomenon of leadership: a collection of materials of the international scientific and practical conference, Almaty, November 11, 2017. Astana, 2018, Pp. 138–146 (In Russ.)
9. Velichkov K.S. Kazakhstan's nuclear governance as a foreign policy asset. NNC RK Bulletin. Kurchatov. 2021 No. 3. Pp. 21–28. (In Russ.)
10. Shenin S.Yu. «Nann-Lugar Program» and Nuclear Disarmament of Ukraine. Bulletin of VolSU. Volgograd. 2020. No. 3. Pp. 103–114. (In Russ.)
11. Chihichin Yu.S. Approaches of the administrations of J. Bush and W. Clinton to the problem of nuclear disarmament of Ukraine in the period 1992–1996. News of Saratov University. New series. Series: History. International relations. Saratov. 2020. No. 2. Pp. 221–226. (In Russ.)
12. Chernega V.N. France's nuclear arsenal and its approaches to non-proliferation and the prohibition of nuclear weapons. St. Petersburg. 2020. No. 3. Pp. 94–117. (In Russ.)
13. Rumyancev V.P. «David and Goliath»: D. Ben-Gurion and disagreements with the United States on the issue of Israel's nuclear program, 1960–1963. Bulletin of TSU. Tomsk. 2020. No. 64. Pp. 78–84. (In Russ.)
14. Taubman P. Cold War soldiers. Moscow, 2016. P. 608 (In Russ.)
15. Baranova N.S., Vetlugina A.E. International Legal Control of the Non-Proliferation Regime. Act and Law. Moscow. 2021. No. 7. Pp. 154–158. (In Russ.)

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 95%.

Рецензент: Троицкий Е.Ф., профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета.

Статья поступила в редакцию 02.05.2022, принята к публикации 22.05.2022

The article was received on 02.05.2022, accepted for publication 22.05.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Александров Станислав Николаевич, аспирант, старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет; Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Российская Федерация, e-mail: gaarane91@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav N. Alexandrov, postgraduate student, senior lecturer, National Research Tomsk State University; Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics, Tomsk, Russian Federation, e-mail: gaarane91@mail.ru